

ПРИСТАВСКАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой истории Дагестана
Дагестанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. И. Омаров

Статья посвящена одной из наиболее эффективных систем управления, функционировавшей на Северном Кавказе в конце XVII – первой половине XIX в. Рассматриваются основные принципы организации приставской системы.

The article is devoted to one of the most efficient systems of administration, which functioned in the North Caucasus in the end of the 18th century and the first half of the 19th century. It touches upon the basic principles of the bailiff system organisation.

В конце XVIII – начале XIX в. начинается активное военно-административное включение горских народов Северо-Восточного Кавказа в состав империи. После заключения русско-иранского Гюлистанского мирного договора 1813 г., юридиче-

ски оформившего вхождение ряда кавказских территорий в состав России, начинается создание российской системы управления на Северо-Восточном Кавказе.

Для этого существовали определенные предпосылки. В частности, важную роль в

становлении политico-административного устройства Кавказа сыграл институт наместничества. Следует выделить два этапа развития наместничества: первый (1785–1796) – учреждение кавказского наместничества в Предкавказье с типичными для центральных районов России органами власти; второй (1844–1882) – это период, когда общепризнанной стала необходимость на Кавказе специальной формы управления.

Кроме того, на той территории, которую прочно контролировали российские власти, вводились различные частные управление. Например, в Дагестане с 1830 г. существовало военно-окружное управление, начальники которого назывались дербентскими военно-окружными начальниками¹. Управление Дербентской провинции состояло из коменданта, городового суда и казначейства. Гражданское управление осуществляли наибы. По мнению Е. И. Козубского, управление Дербентом с самого начала было основано на принципах военно-народного управления². Дербентские наибы под контролем коменданта крепости собирали городские доходы, вершили суд и приводили в исполнение наказания по мелким правонарушениям. Управление городом наибы осуществляли коллегиально, при участии диванных беков и главных ахундов мечети.

В 1807–1812 гг. в Чечне сложилась следующая система административного соподчинения: Главноуправляющий – командующий Кавказской линией – калмыцкий пристав – сельские старшины – жители чеченских аулов. Здесь не вводятся административные учреждения подобно тому, как оно было в Кабарде. Этому мешали и труднодоступность чеченских территорий; внутренние социальные процессы, внешний фактор, не-приятие чеченскими обществами навязываемых им контроля и управления. Одной из ключевых фигур военно-комендантского управления был пристав, о котором говорили, что это «полуначальник, полуагент».

Приставская система на Северном Кавказе появляется уже во второй половине XVIII в. В 1818 г. приставство утверждается в Чечне. В него вошли все чеченские аулы на правом берегу Терека. Приставом был назначен есаул Моздокского казачьего полка А. Чернов, о котором В. Потто писал, что он за одну попытку к хищничеству накладывал на чеченцев громадные штрафы, применял устрашающие меры (закапывал сопротивляющихся в землю по пояс)³. Всем жителям приставства было объявлено, чтобы они под страхом наказания не пропускали через свои земли отряды «хищников», содержали «караулы» «всегда готовыми на битву со своими немирными собратьями»⁴. «Еще не было примера, – говорил А. Ермолов по этому поводу, – чтобы кто-нибудь смог заставить чеченца драться со своими единоземцами, но уже сделал верный к тому шаг и им внушено, что того и всегда от них требовать будут». Чеченский пристав должен был знать обо всем, что происходит в народе, осуществлять полицейский контроль, решать задачи политического и идеологического свойства, знать всех выбираемых мулл, внушать мысли о «спокойствии, прекращении воровства, о повиновении начальству и об охранении от хищников своих земель» и т. д.⁵

К началу третьего десятилетия XIX в. в Чечне сложилось следующее военно-административное управление: командующий Кавказской линией – командующий Левым флангом линии – чеченский пристав. Из нового проекта инструкций для чеченского пристава командующего Левым флангом Кавказской линии В. Ф. Энгельгардта была утверждена только отмена телесных наказаний. О наличии позитивных тенденций в развитии российского управления на Северо-Восточном Кавказе свидетельствует и факт появления проекта «Чеченского народного суда», который предполагали открыть в крепости Грозная⁶.

Администрация стремится усилить административный контроль над Чечней

путем установления зависимой от российских властей системы судопроизводства и постепенного приспособления обычного права горцев к общим имперским законодательству.

В Дагестане также функционировала приставская система. После упразднения в 1819 г. власти кайтагского уцмия владение должно было управляться через особого пристава, находившегося в Нижнем Кайтаге, в селении Великент. Как писал штабс-капитан Оленич, каракайтагское приставство находилось «в таком же точно отношении к правительству, как и другие вольные общества Дагестана, не совершившие еще покорные; не могло получить ни прочного устройства, ни твердого порядка, и местное начальство, заботясь о сохранении тишины и спокойствия, утверждало наибольшую власть свою в тех немногих деревнях, которые находятся в соседстве с пребыванием самого пристава»⁷.

Мехтулинское ханство по приказу Ермолова также обращается в приставство. Как правило, приставами назначались русские офицеры, пользовавшиеся особым доверием начальства, иногда «благонадежнейшие и достойнейшие из горцев». Последних посыпали к «племенам, более прочих известных своею дикостью нравов»⁸.

Военные власти считали, что «необходимо дать приставу власть», повышающую его статус в глазах местного населения. Авторитет пристава напрямую зависел от его жалованья. В одном из документов читаем, что «власть приставов не может быть действительной, пока им не назначат лучшего жалованья. Не имея средств к жизни, приставы живут за счет своих кунаков, которым поневоле за их хлеб-соль стараются сделать всевозможные льготы и сколько возможно поддерживают их. Не имея денег, пристав не пользуется никаким уважением, и от того приказания его редко выполняются»⁹. Следует также отметить, что «на все весьма значительные издержки по управлению горцами, на жалование приставам, на

сохранение приставской стражи потреблено до 20 тыс. сер. в год», причем все эти деньги были получены в виде податей, собранных от аулов¹⁰. В конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. военно-комендантская форма правления была превращена в военную. В 1839 г. по проекту генерал-адъютанта Граббе были изданы особые правила «для управления непокорными аулами» и все народы, подлежащие управлению начальника Левого фланга Кавказской линии, были разделены на три главных приставства «согласно с географическим положением земель и многосложными взаимными отношениями»¹¹.

Главные приставства делились на частные (Главное кумыкское приставство на четыре, Главное чеченское на три, Главное лезгинское на четыре части).

Однако практика показала низкую эффективность приставской структуры. Игнорирование традиционных управлительских институтов, приданье приоритетного значения прямому управлению во многом способствовали усилению антироссийских настроений. Не случайно сам Граббе уже в марте 1840 г. признает, что «главнейшими причинами» массового восстания 1840 г. в Чечне явились «стесненное положение Нагорной Чечни, когда власть приставов утверждалась на равнине»¹². По этому поводу Е. Вейденбаум писал, что «первые опыты управления горцами через русских приставов оказались неудачными, правители не знали внутреннего строя горской жизни и требовали беспрекословного исполнения установленных правил, не согласованных с народными понятиями и с бытом и нередко даже прямо противоположные им. Управляемые не могли понять предъявленных им требований и считали многие из них совершенно несправедливыми»¹³.

С. Эсадзе отмечает, что в 40-е гг. XIX в. при наместнике М. С. Воронцове горцами «заведывали приставы, подчиненные в административном отношении начальникам отделов Кавказской линии»¹⁴.

В 50-е гг. XIX в. приставская система управления по инициативе нового наместника А. И. Барятинского подверглась изменениям. Было ясно, что приставства, долгое время являвшиеся основным механизмом управления горцев, уже отжили свое. Причинами «неотлагательных перемен и улучшений» приставских управлений называется чрезмерное увеличение их числа, разделение одного и того же народа на несколько приставств, управлявшихся по-разному, затруднения с проверкой их деятельности, отсутствие возможности назначить приставу жалованье, «приличное его положению», невозможность участия приставов в судебном разбирательстве из-за устройства местных судов¹⁵.

В результате в 1857 г. приставские управление упраздняются, а все «покорное население» Левого крыла разделяется на 4 округа (Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский). Округа делились на участки. Прикаспийский край (образованный в 1847 г.) в административ-

ном отношении также разделяется на участки. Наместник считал, что управление, введенное на основе «Положения об управлении Кавказской армией»¹⁶, утвержденного императором 1 апреля 1858 г., устраивало «главное затруднение, препятствовавшее достижению правительственные целей на Кавказе – чрезвычайное разнобразие края»¹⁷.

Разделения управления на отделы, округа, участки («наибства») и приставства вполне можно считать предвестником будущего «военно-народного» управления, введенного на Северо-Восточном Кавказе в 60-е гг. XIX в.

Таким образом, в течение всей первой половины XIX в. управление «покорными» народами на местном уровне осуществлялось приставами, совмещавшими военные и гражданские обязанности. Военно-приставская система вплоть до 1857 г. являлась основной формой управления горскими народами Северо-Восточного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 65.

² Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 140.

³ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. 2. С. 134.

⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Далее АКАК.). Тифлис, 1875. Т. 6. С. 500.

⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 73. Л. 6–7.

⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 79. Л. 17.

⁷ АКАК. Т. 6.-4. 2. С. 500.

⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 68. Л. 2об.-3.

⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 386. Л. 3 об.

¹⁰ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 286.

¹¹ Омаров А. И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе XIX – нач. XX века. Махачкала, 2004. С. 169.

¹² Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 286.

¹³ Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 179.

¹⁴ РГВИА. Ф. 414. Д. 305. Л. 236.

¹⁵ Мужухоева Э. Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. на соис учен. степени канд. ист. наук. М., 1989. С. 63.

¹⁶ Там же.

¹⁷ АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 644.